

Легкий человек

Автор:

Максим Горький

Легкий человек

Максим Горький

«Утром, часов в шесть, ко мне на постель валится некая живая тяжесть, тормозит меня и орет прямо в ухо:

– Вставай!

Это – Сашка, наборщик, забавный мой товарищ, парень лет девятнадцати, рыжий, вихрастый, с зелеными глазами ящерицы и лицом, испачканным свинцовой пылью...»

Максим Горький

Легкий человек

Утром, часов в шесть, ко мне на постель валится некая живая тяжесть, тормозит меня и орет прямо в ухо:

– Вставай!

Это – Сашка, наборщик, забавный мой товарищ, парень лет девятнадцати, рыжий, вихрастый, с зелеными глазами ящерицы и лицом, испачканным свинцовой пылью.

- Айда гулять! - кричит он, стаскивая меня с постели. - Кутнем сегодня, у меня - деньги, шесть двадцать, и - Степаха именинница! Где у тебя мыло?

Он идет в угол, к рукомойнику, ожесточенно моется, фыркает и, не умолкая, говорит:

- Слушай, - звезда - по-немецки - астра?

- Это, кажется, по-гречески.

- По-гречески? У нас, в газете, новая корректорша стихи печатает, подписывается - Астра. Фамилия у ней - Трушеникова, а зовут - Авдотья Васильевна. Хорошая дамочка, - красивая, только - очень толстая... Дай-ка гребенку...

Раздирая гребнем густую рыжую паклю на голове, он морщится, ругается и неожиданно, на полуслове, умолкает, внимательно рассматривая отражение своего лица в мутном стекле окна.

За окном, на кирпичной стене, мокрой от ночного дождя, играет солнце, красит стену. На воронке водосточной трубы сидит галка, чистит перья.

- Рожка у меня плохо выдумана, - говорит Сашка. - Гляди, какая галка нарядная! Дай-ка мне иглу с ниткой, я пуговицу пришью...

Он вертится, точно обожженный, так вертится, что ветер ходит, сдувая клочья бумаги со стола.

Потом, стоя у окна и неумело работая иглой, - спрашивает:

- Был такой король - Лодырь?

- Лотарь. Зачем он тебе?

- Смешно! Я думал - Лодырь, от него и пошли все лодыри! Сначала - пойдем в трактир, чаю напьемся, потом - к поздней обедне в монастырь, на монахинек поглядим - люблю монахинек! А - перспектива - это что?

Он набит вопросами, как погремушка горохом. Объясняю ему, что такое перспектива, и он, не дослушав, рассказывает:

- Ночью в типографию ввалился этот – фельетонист, – Красное Домино, конечно – пьяненький, как баба, и – пристал ко мне: какие у тебя перспективы?

Пришив к пиджаку пуговицу выше, чем следовало, он перекусывает нитку белыми зубами, облизывает красные пухлые губы и жалобно бормочет:

- Лизочка верно говорит, – надобно читать книжки, а то – так и умрешь мужиком, ничего не зная. А – когда читать? Вот и некогда!

- Ты поменьше бегай за девицами...

- Али я – мертвый? Не старик же я! Погоди, – женюсь – перестану!

И, потягиваясь, он сладко мечтает:

- Женюсь на Лизочке. Эх, и модница же! У нее, брат, платье есть эдакое – барежевое, что ли, – ух! До того она хороша в нем, что у меня даже ноги трясутся. Так бы всю и съел!

Играя роль солидного человека, я замечаю:

- Смотри, тебя не съели бы!

Он самонадеянно ухмыляется, встряхнув кудрями.

- Намедни у нас в газете студенты спорили: один говорит – любовь дело опасное, а другой – нет, безопасное! Ловкачи! Девицы студентов любят, всё равно как военных.

Выходим на улицу, – булыжники мостовой, омытые дождем, блестят, как черепа лысых чиновников. Небо загромождено клочьями снежно-белых облаков, среди облачных сугробов гуляет солнце. Крепкий осенний ветер гонит людей по улице, точно увядшие листья, толкает нас, свистит в ушах. Сашка ежится, засунув руки

глубоко в карманы промасленных штанов, на нем легкий летний пиджачок, синяя рубаха, истоптанные рыжие сапоги.

По небу полуночи ангел летел

– читает он в такт шагам. – Люблю эту штуку! Который написал?

– Лермонтов.

– Я его всё с Некрасовым путаю.

И долго на свете томилась она,

Желанием чудным полна.

Прищурив зеленые глаза, он повторяет вполголоса, раздумчиво:

Желанием чудным полна...

– Ах ты, господи! Как я это понимаю хорошо! До того даже, что сам бы полетел... «желанием чудным»...

Из ворот угрюмого дома выходит девушка, празднично одетая, в юбке цвета «бордо», в черненькой кофточке со стеклярусом, в золотисто-шелковом платке.

Сашка, сорвав с головы измятый картуз, почтительно кланяется ей:

– С ангелом, барышня!

Милое круглое лицо девушки ласково улыбается, но тотчас же тонкие брови строго нахмурились и сердитый голосок полуиспуганно говорит:

– Я вас вовсе не знаю!

– Так это – ничего! – весело отвечает Сашка. – И всегда так: сначала не знают, потом – познакомятся и влюбятся...

– Если вы хотите озорничать... – говорит барышня, оглядываясь; улица пустынна, только далеко, в конце ее, едет воз капусты.

– Мы – смирные! – уверяет Сашка, идя обок с девушкой и заглядывая в лицо ей. – Вижу я, что вы именинница.

– Пожалуйста, отстаньте!

Четко щелкая каблуками по кирпичу панели, барышня идет быстрее, – Сашка приостановился и бормочет:

– Можно, отстал. Гордая какая! Эх, костюма нет у меня подходящего к характеру! Кабы другой костюм, так небойсь заинтересовалась бы.

– Ты почему узнал, что она именинница?

– А – как же? Выпялилась в самое лучшее свое и в церковь идет. Бедный я очень! Эхма, кабы денег тьма! Купил бы деревеньку да и жил помаленьку... Гля-ди-ко!

Четверо бородатых мужиков вынесли из переулка некрашенный гроб, впереди их, с крышкой на голове, шагает мальчик, а сзади – высокий нищий, с посохом в руке; лицо у него суровое, каменное, идет он и, не отрываясь, смотрит красными глазами на серый нос покойника, высунутый из гроба.

– Плотник помер, – умозаключает Сашка, сняв картуз. – Упокой господи подальше от родных и знакомых!

И, улыбаясь во всю рожу, весело поблескивая неугасимыми глазами, Сашка объясняет:

– Покойника встретить – удачу сулит. Сврачивай!

Мы входим в трактир «Москва», в маленькую комнатку, тесно заставленную стульями и столами; на столах – розовые скатерти, на окнах – голубые выцветшие занавески и много цветов в горшках, над цветами – канарейки в клетках. Пестро, тепло и уютно.

Заказав жареной колбасы, чаю, полбутылки водки и десяток папирос «Персичан», – Сашка барином усаживается за стол у окна и рассуждает:

– Люблю жить вежливо, с уважением. Ты вот все рассуждаешь, то – не так, это – не так, а – почему? Всё – как надо. У тебя характер не человеческий, несогласный. Ты, брат, какой-то ер, – слово и без ера понятно, ну – для порядка, для красоты, что ли, – ставят ер в конце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/maksim-gorkiy/legkiy-chelovek>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)